- Два!” Она вскрикнула. На этот раз он не стал медлить, повернувшись налево и отшлепав ее четыре раза один за другим. “Три, четыре, пять, АХ, шесть!”

“Хорошая работа-сохранять самообладание и не отставать, - сказал он. - Нам ведь не придется начинать все сначала, верно?”

“Отвали, Поттер, - пробормотала она. —Когда Драко узнает об этом, он ... Ой! СЕМЬ! ВОСЕМЬ! ДЕВЯТЬ, А! ДЕСЯТЬ! ОДИННАДЦАТЬ, ОХ, БЛЯДЬ! ДВЕНАДЦАТЬ!”

“Он ничего не сделает,” отрезал он. Он жестоко обошелся с ней за попытку разыграть карту “когда мой муж узнает об этом”, раздражающе похожую на то, как Драко использовал имя своего отца в школьные годы. - Ты сам сказал, что он бросит тебя на растерзание волкам, не задумываясь, чтобы спасти свою шкуру. Он узнает об этом только в том случае, если я решу рассказать ему, что я вполне могу просто бросить ему в лицо. И даже если он узнает, и даже если он каким-то образом решит защитить вашу честь и попытается использовать это против меня, ни он, ни вы ничего не сможете с этим поделать. Ты дал эту клятву добровольно и знал, во что ввязываешься. В лучшем случае вы могли бы доставить мне неприятности за то, что я дал вам эту клятву вместо того, чтобы арестовать вас, но поскольку вы глупо планировали попытаться подставить меня, лорда одной из самых могущественных семей в Визенгамоте, я, вероятно, получу либо пощечину, либо вообще ничего. Вы же, с другой стороны, отправитесь в Азкабан на очень долгое время. Теперь я собираюсь снова отшлепать тебя, а ты будешь продолжать отсчитывать их один за другим. Если у вас есть проблемы с этим, скажите слово, и мы отправимся в Министерство прямо сейчас.”

Она ничего не ответила, и он снова принялся колотить ее веслом. Шлепки тринадцать и четырнадцать попали ей в левую щеку, а пятнадцать и шестнадцать-в правую. Астория послушно отсчитала их все, давая понять, что она и ее муж ничего не могут поделать с ее нынешними обстоятельствами. Она сама вляпалась в эту историю, и теперь это был конечный результат.

Гарри не торопился с оставшимися шлепками. Он хотел как можно больше растянуть предвкушение этих последних четырех. Он парил с веслом над ней, делая ее напрягаются у него на коленях, а она ждала удара, чтобы упасть. Бах!

“Семнадцать!” Гарри убрал весло с ее правой щеки и ухмыльнулся очевидному эффекту, который все это производило на нее. Она неловко ерзала у него на коленях, и ее круглый, обычно бледный зад теперь был ярко-красным. Ей будет трудно сесть, хотя он и не собирался давать ей такой возможности, пока она все еще находится под обетом.

“Восемнадцать!” Эта попала ей в больную левую щеку. Он провел веслом по ее заднице после шлепка, и она вздрогнула от этого ощущения. Он снова поднял его и снова затормозил, задерживая удар еще дольше, чем раньше, чтобы действительно заставить ее извиваться.

- Девятнадцать, А, ЧЕРТ, ДВАДЦАТЬ!-Он застал ее врасплох, нанеся двадцатый и последний шлепок сразу после предпоследнего, дважды подряд шлепнув по правой ягодице.

“Хорошая девочка, - сказал он. Он отбросил весло в сторону и потер ладонью ее ярко-красную задницу. Она вздохнула от ощущения холода. - Ты хорошо отбыл наказание.” Он почувствовал, как она расслабилась у него на коленях, и это его очень позабавило. Она думала, что выдержала шторм и успеет прийти в себя после двадцати ударов веслом, но забыла кое-что очень важное. - А теперь пришло время твоей награды.”

Она устало застонала, когда он поднял ее так, что она оседлала его колени, прижавшись спиной к его груди. Он подсунул руки под ее бедра и раздвинул ее ноги, чтобы он мог засунуть свой член в ее киску. Он был тверже, чем когда-либо, когда порка продолжалась, и теперь, когда все закончилось, он не собирался терять ни секунды, чтобы получить право трахать ее.

“How...is это моя награда? - задыхаясь, спросила она.

- Это ты все время жалуешься, что я не успел тебя трахнуть. Даже когда ты признался, что у меня большой член, ты был так уверен, что я не знаю, как им пользоваться. Я думал, ты будешь счастлива, если твои ожидания превзойдут.” Астория просто застонала, слишком уставшая, чтобы придумать остроумный ответ, и понимая, что это все равно будет бессмысленно. Она собиралась трахнуться, так или иначе.

Она вскрикнула от удивления, когда он крепче сжал ее бедра, потянулся вверх, закинул руки ей за голову и встал со стула. Это была позиция, которую он всегда хотел попробовать с Джинни, но он боялся, что она не оценит идею, что он держит ее и грубо обращается с ней. Теперь он сожалел об этом еще больше, потому что чувствовал, что эта позиция сработала бы еще лучше с такой миниатюрной девушкой, как Джинни. Он мог бы с относительной легкостью согнуть ее пополам. С Асторией все было не так просто. У него хватало сил делать все, что он хотел, но ее большая грудь и более полная фигура просто не сгибались так хорошо, как он представлял себе Джинни.

Это было очень печально, но ему придется довольствоваться тем, что у него есть. Он все еще был способен предаваться грубой, доминирующей стороне секса, которую никогда не испытывал до сих пор, и наслаждался каждой секундой. Он толкнул бедра вверх, жестко вонзая свой член в нее. Она не была такой тугой, как Джинни, но он также никогда не двигал своим членом внутри Джинни даже с половиной такой скорости или силы. Он снова и снова входил в нее, его бедра шлепали по ее ярко-красной заднице. Ее руки вцепились в его руки и держались изо всех сил, а ноги бесполезно болтались в воздухе, пока его большой член продолжал глубоко входить в нее с каждым толчком бедер. Даже если бы у нее еще оставались силы, чтобы дразнить его, сейчас она бы не смогла. Кто поверит хоть одному ее слову о том, что он робкий слабак, неспособный трахнуть женщину, когда он держит ее в воздухе и вот так вонзает в нее свой член?

Гарри сосредоточился на том, чтобы толкать свой член в Асторию так сильно, как только мог, так глубоко, как только мог, так часто, как только мог. Он всегда желал этого, этого чувства. Заниматься любовью с Джинни было приятно, но это было то, чего он всегда хотел, чего, очевидно, они оба хотели, но не могли придумать, как попросить. Это не было занятием любовью, это был трах. Здесь не было ни страсти, ни романтики, ни заботы о благополучии другого, ни беспокойства о том, двигается ли он слишком быстро или проникает в нее слишком глубоко. Впервые в жизни он смог взять женщину и полностью разрушить ее ради

собственного удовольствия. Он эгоистично входил в нее, доминировал над ней, делал ее своей. Она могла быть женой Малфоя, но в тот момент он был абсолютно уверен, что эта киска принадлежит ему и только ему. Никто никогда не трахал ее так.

Это было потрясающе, и это выходило за рамки простого, но невероятного ощущения, когда он держал жену Малфоя в воздухе и скользил своим членом в ее киску. Гарри никогда раньше не ценил звуки секса до такой степени. Его бедра колотились о нее с каждым сильным толчком, чего он никогда раньше не слышал, потому что он никогда не входил в Джинни с такой силой, чтобы издать такой звук. Но звуки, которые издавала сама Астория, могли быть еще лучше. Она ненавидела его, и это было прекрасно, так как чувство было очень взаимным. До сих пор эта ненависть выражалась оскорблением за оскорблением, но сейчас она не могла этого сделать. Как бы она ни ненавидела его, как бы ни хотела скрыть реальность того, что он делал с ней и что она чувствовала, она не могла сдержать тихих стонов, которые срывались с ее губ между вздохами. Эти стоны становились все громче и слышнее по мере того, как продолжалось траханье, и бедра Гарри начали работать сильнее почти автоматически в ответ. Он бы многое сделал, чтобы услышать, как она стонет.

Если Астория рассчитывала на то, что он быстро закончит, то эта надежда давным-давно отошла на второй план. Правда, у него давно не было секса; еще до того, как они с Джинни расстались, наступила долгая пауза, когда расстояние между ними росло и перетекало в их сексуальную жизнь. И само собой разумеется, что у него никогда не было секса, который мог бы даже сравниться со скоростью, силой и чистым, грязным эротизмом того, что он сейчас делал с Асторией. И все же, несмотря на это, и несмотря на все, что он сделал до того, как воткнул в нее свой член, что по всем правилам должно было возбудить его и заставить взорвать еще до того, как он вошел в нее, он обнаружил, что полностью контролирует свое тело здесь и не рискует кончить раньше, чем ему бы хотелось. Он наконец-то удовлетворял свой давно подавляемый сексуальный аппетит, и его тело оказалось на высоте, давая ему столько выносливости, сколько ему было нужно, чтобы он мог погрузиться в это чувство в первый раз.

http://erolate.com/book/3342/79249